

и цитированием работ классиков марксизма-ленинизма: так, например, весь вводный раздел к статье о матриархате представляет собой перечень высказываний Энгельса, Ленина и Сталина. В то же время в обращении с этими цитатами допускается небрежность: на стр. 214 в высказывании В. И. Ленина пропущено слово «иногда», на стр. 218 Маркс цитируется по Большой Советской энциклопедии.

Автор без всякой нужды проводит различные параллели, выбор которых обычно весьма случаен. Изгнание кровосмесителя сравнивается с древнегреческим остракизмом («Очерки...», стр. 24), без нужды приведенная автором «Песнь жерновов» сопровождается справкой об аналогичной песне с о. Лесбоса («К вопросу...», стр. 232), к случайному упоминанию о водяной мельнице приложена довольно подробная справка о ее распространении на Востоке и Западе (там же) и т. д. Рецензируемые работы изобилуют выражениями наподобие следующих: «полеводство и огородничество... существовали в симбиозе» («К вопросу...», стр. 225), образование в роде «дифференцирующей структуры» («Очерки...», стр. 20), «социально-классовый гнет» (там же (стр. 131)). Вообще, язык обеих работ весьма несовершенен. Вот несколько примеров: женщина «оказывала сопротивление в процессе перехода к мужу» («Очерки...», стр. 88), «ходить с пощечиной на лице», «головокружительные движения ног» (там же, стр. 121), «Алчные феодалы, желая иметь рабов для продажи, принимались за это дело заранее» (там же, стр. 170), дядя Абраскила «заметил, что пещерный ручеек несет с собой лошадиный навоз, и решил поэтому, что его героический племянник еще, должно быть, жив» («К вопросу...», стр. 260).

Те или иные недостатки всегда имеются в каждой научной работе, и было бы неправильным не видеть за ними положительных сторон, нового и ценного, внесенного в науку автором. В рассмотренных работах этим положительным, несомненно, является собранный Ш. Д. Инал-ипа фактический материал — полевой, литературный, архивный. В «Очерках...», впервые в абхазоведческой литературе, приводятся таблицы системы родства у абхазов. В статье о матриархате, как отмечалось, удачны разделы об авункулате, нартовском эпосе, мифологии.

И все же общее впечатление, оставляемое рассмотренными работами, является неблагоприятным. Складывается впечатление, что автор, имея хороший материал, испортил его, поторопившись с публикацией, не дав себе времени как следует этот материал продумать, обработать, научно проанализировать.

Абхазский этнографический материал представляет огромную научную ценность. Абхазским исследователям необходимо продолжить начатую ими этнографическую разработку истории семьи и общества, подняв ее на более высокий теоретический уровень.

Я. Смирнова

Н. Я. Бичурин (Иакинф). *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. III. М.—Л., 1953*.

Выпуском III тома «Собрания сведений...» Институт этнографии АН СССР завершил новое издание самого крупного и значительного в научном отношении из опубликованных трудов великого русского сиолога XIX в.—Никиты Яковлевича Бичурина (Иакинфа).

Общезвестны глубина и обширность познаний покойного русского ученого, его необыкновенное упорство в решении сложнейших научных проблем, его исключительное для европейской науки того времени дружелюбие к изучаемым народам и отсюда — стремление максимально полно показать их подлинное место в истории человечества, их роль в созидании мировой культуры. Такой подход к оригинальным материалам, к первоисточникам по политической истории и истории культуры изучаемых народов в значительной мере способствовал успеху Н. Я. Бичурина в решении поставленных им перед собой задач. Труды его до наших дней сохраняют значение отправных пунктов для исследователя истории, этнографии, истории культуры народов Восточной, Центральной и Средней Азии. Равным образом и переводы Н. Я. Бичурина, открывшие перед его современниками неисчерпаемые богатства дальневосточной историографии (в первую очередь китайской и монгольской), сохраняют и поныне значение первоисточников для всех, кто занимается проблемами этногенеза или исторического прошлого народов Азии, в том числе народов азиатской части нашей Родины.

Первое издание «Собрания сведений...» давно уже стало библиографической редкостью. Лишь в немногих библиотеках сохранились в удовлетворительном состоянии оба тома первого издания. Нередко отсутствует «Предуведомление», предосланное Н. Я. Бичуриным I тому «Собрания сведений...». Еще чаще полностью или частично отсутствует составленный самим Н. Я. Бичуриным «Топографический указатель мест на карте к Истории древних среднеазиатских народов» (фактически это не столько «топографический указатель», сколько научный комментарий текста в связи с топо-

* Новое, дополненное и документированное издание труда, выпущенного впервые в 1851 г.

нимкой), в новом издании вошедший в III том. Как правило, отсутствует также составленная Н. Я. Бичуриным карта, включающая территории Кореи, Северного Китая, Монголии и Средней Азии (до Аральского моря), к стати сказать, нигде и никогда еще как первоисточник по топонимике этих территорий не использованная. В московских книгохранилищах нам не удалось обнаружить ни одного экземпляра «Собрания сведений...» с этой картой. Указанные материалы научного аппарата включены в III том нового издания, причем редакция стремилась учесть и исправить недостатки первого издания. В III томе полностью и документально точно воспроизведены «Топографический указатель» и «Карта»..., составленные Н. Я. Бичуриным: однако и к указателю, и к карте сделан ряд дополнений. Недостатки старого «Указателя» состоят главным образом в сложности терминологии, в отсутствии особых индексов топонимики, социальной и административной терминологии. Недостатки карты заключаются в статичности ее данных, что объясняется представлениями Н. Я. Бичурина об относительной стабильности расселения народов Азии (и Китая в особенности).

Стремясь к исправлению недостатков первого издания «Собрания сведений...» в отношении «Топографического указателя», редакция нового издания дополнительно включила в III том три указателя терминов. Таким образом, кроме «Топографического указателя...» Н. Я. Бичурина, в новом издании имеются: указатель племенных и географических названий (этнонимов и топонимики), именной указатель и указатель терминов (титолов, административной, родственной терминологии, а также терминов, не переведенных Н. Я. Бичуриным и примененных им для пояснения специфичных черт быта и социальных отношений народов Азии). Эти дополнительные указатели значительно облегчают читателю пользование основным и пояснительным текстом. Большое значение имело бы здесь максимальное введение в указатели иероглифических соответствий терминов. Известно, что при наличии иероглифики многие советские исследователи, даже не зная китайского языка, могут, пользуясь словарями (например, словарем Палладия и Попова, содержащим, помимо общего пояснения, ряд ценнейших сведений энциклопедического характера), самостоятельно знакомиться со всем комплексом значений иероглифов, которыми записаны термины, и благодаря этому точнее понимать самые термины (особенно географические и этнические). К сожалению, в данном издании иероглифика дана скупо и относительно узко. Однако и в такой мере, в какой редакция этого смогла добиться, обогащение терминологических указателей иероглификой дает возможность проведения дополнительных сравнительно-лингвистических изысканий и т. п.

Большое значение имеют для читателя комментарии к Указателю племенных и географических названий, наличие параллельно термину твердо установленных и принятых в русской и советской науке китайских географических (топонимических) и этнонимических соответствий. (Заметим попутно, что не все «племена», упоминаемые в тексте, были племенами, поэтому наименование «Указатель племенных названий», неточно.) Редакция нового издания тем самым предостерегает читателя от распространенных еще упражнений с чисто фонетическими соответствиями наименований, от голый лингвистической эквилибристики. Учитывая сугубую важность этого вопроса, ему посвящает солидное место в своей вступительной статье к I тому настоящего издания один из его редакторов, А. Н. Бернштам (см. стр. XL и подробный перечень отождествлений на стр. XLIII—LI). Отметим, однако, что в этом перечне проскользнули досадные промахи. Например, на стр. XLIX дается отождествление «Туфань — Тибет» в Восточном Туркестане вместо «Туфань — Турфан»; на стр. XL ошибочно указывается, что «пустыня Гоби» означает буквально «Песчаная пустыня». Встречаются иногда и другие недостатки, искажающие точность нового издания: например, замена в тексте этнонима «дулга» термином «тгую» (вар. «тукюе»): правильное было бы сохранить в тексте «дулга», дав термины «тгую» или «тукюе» и скобках. В целом же, повторяем, этот раздел работы редакции имеет большое значение, особенно для читателя-некитаеведа, сберегая ему много времени и предостерегая его от увлечения различными фонетическими миражами.

Из трех указателей, дополняющих основной авторский, наименее четко выражено назначение последнего. Если в отношении перечня титулов, административных и политических терминов Указатель возражений и сомнений не вызывает, то целесообразность включения в него, например, термина «волан» (игра) более чем сомнительна. Слово «волк» как синоним тюрка, возможно, и следовало сохранить наряду с другими подобными терминами, но тогда уже выделив их в особый указатель тотемических терминов. Особенно не повезло в последнем указателе терминам, начинающимся на букву «Е». Их всего два: «Европейские историки — ученые Западной Европы» и «Еркак — мех из конских кож» (?!). Подбор, по меньшей мере, странный.

Как весьма положительный факт, отметим решение редакции нового издания шире осветить политическую и этническую историю народов Восточного Туркестана путем включения в III том ряда фотокопий карт «Циньдин хуаньюй сиюй тунцжи» (8 листов) в качестве дополнения к основной «Карте к Истории народов...», составленной Н. Я. Бичуриным. Правда, эти карты по охвату территории значительно уже основной карты. Однако научная значимость их не меньшая. На примере одной, но исторически весьма интересной области Китая исследователь получает возможность наглядно проследить на протяжении двенадцати веков процесс изменения этнического состава области, изменения этнических территорий, возникновения и распада государственных образований

расширения границ Китайской империи и подчинения ей окраинных, прежде независимых территорий.

Кроме дополнительных карт — фотокопий китайского подлинника, в том III переиздания «Собрания сведений...» включены три исторические схемы, показывающие расселение и передвижения народов Азии в период III в. до н. э.— IX в. н. э. Преследуя здесь ту же цель, что и при включении дополнительных карт, составитель схем А. Н. Бернштам еще в своей вступительной статье к I тому нового издания специально остановился на неисторичности этногенетических представлений Н. Я. Бичурина, указав на недопустимость прямого сопоставления этнического состава древнего населения Северного Китая и современных народов, населяющих ту же территорию (см. т. I, стр. XXXIX). В своем «Предупреждении» Н. Я. Бичурин писал о значении китайских летописей: «Из сих известий, несмотря на краткость их, открывается, что на всей полосе Средней Азии от Восточного океана на запад до Каспийского моря искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют сию страну; вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки их по прошествии 2000 лет, находились в тех же пределах, в которых последние и ныне живут, с небольшим изменением в пространстве» (т. I, стр. 12 нового издания). Исходя из этого высказывания, А. Н. Бернштам справедливо отметил статичность, по мнению Н. Я. Бичурина, этнического состава народов Азии. Однако он не заметил в этой же фразе очень важного научного положения, прочно вошедшего в арсенал знаний прогрессивной русской и советской науки. Это — утверждение об автохтонности большинства (по крайней мере всех основных) народов Китая, обоснованное русскими и советскими учеными на широких исторических материалах, вопреки расистским в своей основе утверждениям западноевропейских и американских сиологов от Вигера, Форке, Ришара до Карла Бишопа, рассматривавших китайцев как пришлое население, а их культуру как заимствованную, привнесенную. Таким образом, Н. Я. Бичурин, первым выдвинувший тезис об автохтонности основных народов Китая, выступает и здесь как передовой ученый.

С вопросом о статичности этногенетических воззрений Н. Я. Бичурина связана и другая проблема. Это проблема «монгольского происхождения» большинства народов нынешнего Северного Китая. А. Н. Бернштам справедливо указывает, что Н. Я. Бичурин прав, говоря о необходимости отличать «возвышение Дома Монгол» (и принятие этнонима «монгол») от истоков формирования монгольского народа, несравненно более ранних, хотя предки монголов и носили другое имя; но неправ, считая преобладающее большинство народов Северной Азии (в том числе тюркоязычных уйгуров и самих тюрков — тукую — тугю) монголами (см. стр. XXXVIII—XXXIX тома I нового издания). Один из крупнейших советских сиологов — Н. В. Кюнер, наоборот, в своих высказываниях идет далее Н. Я. Бичурина, значительно расширяя список народов монгольского происхождения.

Знаком китайских источников Н. В. Кюнер указывает на то, что если точно передавать сведения китайских династических историй и летописей, т. е. безоговорочно за ними следовать, то приходится признать единство происхождения большинства основных народов Китая. В самом деле, по данным китайских хроник, предки всех народов, когда-либо населявших территорию Китая, ведут происхождение от одной из ранних китайских династий (например, предок хунну от дома Ся; предок народа мяо — потомок Шэнь Нуна и т. д.), т. е. представляют собой боковые ветви китайцев. На деле единство, общность происхождения большинства основных народов Китая надо понимать лишь антропологически; преобладающее большинство народов Китая представляет варианты большой монголоидной расы. Современная наука свободного Китая стоит на точке зрения автохтонности основных народов Китая, но не утверждает этнического их единства.

Важное научное и практическое значение имеет занимающая большое место в III томе нового издания «Таблица транскрипций», составленная Н. В. Кюнером. Цели публикации такой таблицы применительно к «Собранию сведений...» Н. В. Кюнер подробно раскрывает в своей вступительной статье к I тому нового издания (равно как достоинств, недостатков и особенности транскрипции, выработанной Н. Я. Бичуриным и применявшейся им в его научных трудах и учебных пособиях). Нас интересует в ней другое. Три основные колонки таблицы (таблица русского начертания китайских знаков по «Грамматике китайского языка», составленной Н. Я. Бичуриным; транскрипция корейского издания «Тысячеловия», передаваемая «корейским алфавитом» в подлиннике, а здесь русской графикой; современная транскрипция, применяемая в китайско-русском словаре Палладия и Попова) еще раз с наглядной убедительностью подтверждают исключительную гибкость русской графической системы, средствами которой хорошо передаются сравнительно-историческая фонетическая запись китайской терминологии, фонемами современного китайского разговорного языка и корейская алфавитная запись китайской иероглифики. Русская буквенная запись фонетики иероглифов, использовавшаяся Н. Я. Бичуриным, превосходит все наличные системы транскрипций на латинской основе (как, впрочем, и любой иной). Сейчас, когда в самом Китае буквенная запись фонетики иероглифов уже нашла свое выражение в «чжу-инь цзыму» (в чем и заключается основной смысл ускоренного метода изучения иероглифов, столь широко применяемого в Китайской Народной Республике), публикация «Таблицы транскрипций», составленной Н. В. Кюнером, имеет большое значение.

Наконец, в III том включены два указателя библиографических материалов, составленные Б. А. Малькевич. Особенно важным нам представляется второй из них —

указатель архивных материалов, связанных в основном с биографическими данными о Бичурине. Хорошая биография помогла бы читателю составить правильное представление об ученом как человеке и гражданине. К сожалению, такая биография Н. Я. Бичурина еще не создана. Автор биографического очерка, предпосланного I тому переиздания, недостаточно отделил важное, существенное от стороннего, мешающего четкому представлению о Н. Я. Бичурине (не говоря уже о некоторых мелких неточностях в биографии).

Завершено выходом рецензируемого тома переиздание «Собрания сведений...» является важным вкладом в дело изучения истории народов нашей Родины и сопредельных с ней дружественных стран Азии.

Г. Г. Стратанович

С. А. Сардарян. *Палеолит в Армении*. Академия наук Армянской ССР, Институт истории, Ереван, 1954.

Огромных успехов достигла советская археология в изучении древнейшего периода истории нашей страны — палеолита. За годы Советской власти открыты сотни новых палеолитических стоянок и местонахождений. Многие новооткрытые интересные материалы были опубликованы в нашей печати. В последние годы как некоторый итог проделанной работы вышли из печати монографические работы по палеолиту П. П. Ефименко, С. Н. Замятина, Г. А. Бонч-Осмоловского, М. З. Паничкиной, П. И. Борисковского. К числу таких работ относится и труд С. А. Сардаряна «Палеолит в Армении».

С. А. Сардаряну принадлежит большая заслуга в изучении древнейшей культуры первобытного человека на территории Армении. Начиная с 1943 г., С. А. Сардарян исследовал в Армении, в районах горы Артин и реки Раздан, ряд стоянок, которые дали богатейшие коллекции орудий. Изучение их позволило «окончательно установить наличие культуры первобытного человека на территории Армении в течение всего четвертичного периода, т. е. с шельской эпохи нижнего палеолита вплоть до неолита» (стр. 17).

Труд С. А. Сардаряна включает в себе результаты изучения палеолитических орудий, собранных в течение 1944—1949 гг. Книга состоит из пяти глав: первая — «Краткая история изучения палеолитической культуры Армении»; вторая — «Географическая среда и геологические условия Армении в древнейшую эпоху»; третья — «Нижний палеолит»; четвертая — «Средний палеолит» и пятая — «Верхний палеолит». Особенный интерес представляет третья глава, где автор выделяет комплекс дошельских и раннешельских орудий из стоянок на склоне горы Артин (Сатани-дар, Арегуни-блур, Еркарук-блур). Это наиболее древние следы пребывания человека на территории СССР, в частности в Армении. Вместе с палеантропологической находкой в Грузии (так называемый «удабнопитек») это позволяет включить Закавказье в территорию прародины человека. В связи с этим очевидно огромное значение древнейших находок на горе Артин, принадлежащих, возможно, к числу первых человеческих орудий.

«Палеолит в Армении» С. А. Сардаряна дает картину последовательного развития культуры палеолитического человека на протяжении сотен тысяч лет.

Книга хорошо издана, ею удобно пользоваться: она снабжена большим числом прекрасных иллюстраций и таблиц, именных, предметных и другими указателями.

Работа С. А. Сардаряна «Палеолит в Армении» является серьезным вкладом в дело изучения древнейших этапов истории первобытного общества.

З. Соколова

М. Г. Абдушелишвили. *К палеантропологии Самтаврского могильника*. Тбилиси, 1954.

Рецензируемая работа является кандидатской диссертацией автора, защищенной им в Институте антропологии МГУ зимой 1952 г. В ней даются подробное описание и анализ антропологического материала, добытого в наиболее древних погребениях многослойного Самтаврского могильника, являющегося одним из интереснейших и богатых находками памятников эпохи бронзы и железа на территории Грузии. Работа состоит из введения, четырех глав и заключения. К ней приложены таблицы индивидуальных измерений, список использованной литературы, включающий 101 название, и 18 фототаблиц, на которых представлены все изученные автором черепа.

Во введении излагаются основные теоретические положения советской антропологической школы, выдвинутые в ряде работ советских антропологов и положенные автором в основу своей работы. Автор говорит о значении, которое придавали антропологическим исследованиям классики марксизма-ленинизма и, в частности, Ф. Энгельс, использовавший антропологические материалы в известной работе «К истории древних германцев». Автор приводит высказывания академика И. А. Джавахишвили о важности для разрешения проблем этногенеза антропологических исследований, которым выдающийся грузинский историк придает решающее значение. Это, пожалуй, слишком сильно сказано; физические признаки при определении родственных связей между народами